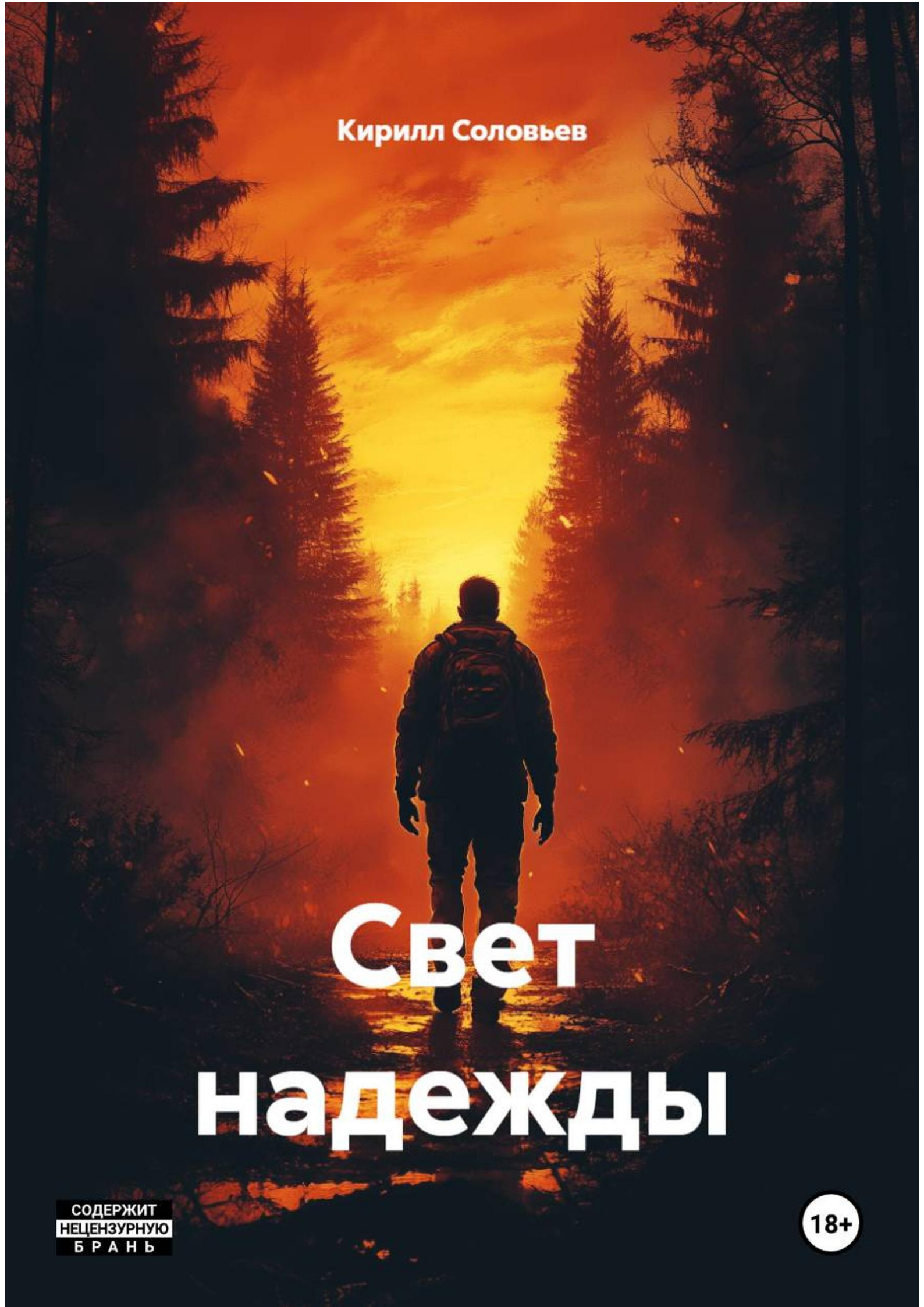

Кирилл Соловьев
Свет надежды
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кирилл Соловьев

Свет надежды

«Автор»
2026

Соловьев К. Д.

Свет надежды / К. Д. Соловьев — «Автор», 2026

В мире, где больше нет света и надежды; в мире, где остались только мрак и обреченность, в мире наступившего судного дня... Апокалипсис, вызванный не инопланетной угрозой, не ядерными бомбами и не каким-либо вирусом, а пришествием того, кто должен был всех спасти. История повествует о человеческом пути спасения, поиске смысла и выживании, когда даже тот, кто всю историю звался «спасителем», стал угрозой...

© Соловьев К. Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 16
Глава 5. 17
Глава 6 20
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 23
Глава 1 23
Глава 2 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Кирилл Соловьев
Свет надежды

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга является исключительно художественным вымыслом, историей, выдуманной автором. Мнение персонажей по тем или иным вопросам не обязаны совпадать с мнением и точкой зрения автора. Автор не имеет цели показать какую-либо религию в плохом свете или же повлиять на ее последователей, автор также не имеет предвзятости к служителям церкви, и все персонажи в книге не являются олицетворением представления автора о них.

В книге присутствует ненормативная лексика, а также сцены насилия и жестокости.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота.
Исход, гл. 12 Ст. 29

– Религия порабощает разум. Верующий из человека разумного, со свободной волей, превращается в безвольное и бездумное существо, неспособное отличить иллюзию от реальности и добро от зла, – протяжно и умиротворенно, поучительным тоном протянул дед и, хлюпая, втянул губами горячий чай прямо из крышки термоса. Язычки пламени слабо освещали лица людей, сидящих у затухающего костра. Молодой, протянув руку к котелку над пламенем, неловко помешал кашу. Субстанция напоминала перловку, однако всяких лишних ингредиентов в ней хватало с избытком. Тьма над головами путников бесшумно сгущала краски, становясь совсем непроглядной. Деревья, стоявшие чуть дальше от костра, стали едины с чернотой вокруг. Молодой вынул большую ложку из котелка и завернул ее в полотенце.

– Еще долго, – не стал обнадеживать своих товарищей молодой.

– Дерьмовый из тебя кашевар, Федька, – без злобы произнес дед. Как ни сложно было догадаться, Федьку прозвали молодым за лета, коих ему было всего около двадцати. Дед, соответственно, был «дедом» по тому же возрастному при-знаку. Конечно, Сергей Геннадиевич Донской мог бы с тем же успехом иметь среди паханов кличку «Дед», но в свое время, 4 не зная того, опоздал лет на пять-шесть, ну, во всяком случае Сергей все же был заметно моложе деда и только недавно раз-менял свой 5-й десяток. В компании Донского чаще называли просто Геннадич. Геннадич переставил охотничью винтовку от рюкзака к своей ноге и откинулся назад расслабленно, устало выдохнув.

Все трое удобно располагались на раскладных рыбацких стульях. Чехлы от стульев висели один за другим на сучке дерева.

– И все же, дед, не думаю, что для хороших людей вера так губительна, как ты говоришь, она им, возможно, и вовсе не нужна, раз они «хорошие», а плохим это как шанс исправиться, найти верный путь, – помешивая кашу, сказал молодой.

– А, – дед тихонько посмеялся, – ты, видимо, частенько заглядывал на беседы к нашему святоше!

Дед с трудом и кряхтением закинул ногу на ногу и откинулся на спинку стула со всей присущей ему осторожностью и продолжил:

– Ты так легко поделил людей на хороших и плохих, мне аж завидно.

Геннадич тихо хмыкнул в темноту, как бы поддержав беседу. Этот околобожественный треп ему за дни пути уже стал надоедать.

– А что сложного? – искренне удивился Федька. – По крайней мере, с религиозной точки зрения отделить хороших от плохих не так уж и сложно. Живешь по законам Божьим – хороший, красавец, орел! – Он демонстративно потряс кулаком при упоминании грозной птицы. – Убиваешь, воруешь, жрешь как не в себя – грешник. Плохой.

– Все мы грешники,– коротко и безэмоционально вставил свою реплику Донской, а затем слово вновь взял их старший товарищ.

– Федь, тебе напомнить, сколько во имя Господа в Средние века вырезали народу? Крестоносцы чего одни стоят, так они все верили в свою правоту и правое дело. Их пастухи вшибали в головы, что этого хочет их Господь, что участники походов хорошие люди, и их ждет место в раю, однако те в свою очередь не могли быть праведниками как минимум, потому что нару-шали основу основ Библии – не убий.

Дед вновь глотнул чаю и продолжил:

– Религия – опиум для народа, идеальный инструмент управ-ления самосознанием и миропониманием.

Федька слушал и тупо пялился в костер, вороша угольки палочкой.

– Как говорил Вайнберг, «чтобы заставить хорошего человека делать зло – для этого необходима религия».

– А кто этот… Вайнберг?

– А, – махнул рукой дед, – физик.

Геннадич огляделся вокруг. Что-то резало ему уши в этом ночном лесу. Что-то было не так, неправильно. Поводив головой по сторонам, Сергей осознал, что так на него действует тишина. Гробовая, мертвая и абсолютно неестественная для лесной чащи. Словно тьма вокруг них съедала все звуки и, пере-жевав, отправляла в человеческие уши лишь переваренный гул тишины. Донскому было неспокойно, очень уж эта тишина да-вила, настораживала. Он потянул левую руку к своему рюкзаку, возле него лежала охотничья винтовка, которую он переложил под правую руку. Так было спокойнее.

– Окей, дед, ну а те, кто не верит? С ними ж можно просто, хороший и плохой.

Федька сказал это достаточно резко, словно что-то умное.

– Ты про атеистов? Так тут еще интереснее, парень.

Федька подобрался, навострил уши, внемля своему мудрому старцу даже чересчур внимательно.

– Ганс Христиан Андерсен писал где-то, не помню где, что думающий атеист, живущий по совести, сам не понимает, насколько он близок к Богу, потому что творит добро, не ожидая награды. В отличие от верующих лицемеров. Вот и думай малец, что имелось в виду.

Дед допил чай последним обширным глотком и стал закручивать кружку термоса.

– Да че тут думать-то, и ежу понятно, что верующий добряк не, потому что добряк, а потому что хочет после своей безвременной кончины отдыхать в райском саду, а не где пониже.

– О, натаскал ты, дед, парня, мыслить начал, – смеясь, по-стариковски, тихо влез в разговор Донской.

– А то!

Засмеялся и второй представитель старшей группы.

– Так, кашу есть давайте! – прервал всех Федька.

Сытно поев, Донской залез в свой спальный мешок с легкой улыбкой. Найдя удобное положение, он не торопился закрывать глаза. Не так он молод, чтобы разбрасываться временем в этом мире, тем более что теперь неизвестно, будет ли другой мир от-личаться от этого, да и будет ли он вообще?

– Фуууух, – он выдохнул накопившуюся усталость. В конце концов, пройти столько, сколько он, за столь короткий срок…

Достижение, не иначе. Он долго лежал, глядя во мрак, зачем-то борясь со сном… Ему хотелось дольше ощущать то, что он, наконец, прилег и никуда двигаться не надо. Пусть шарик по-крутится сам. Кстати… А он крутится вообще? А вокруг чего?Теперь все ставилось под сомнение. Все, кроме того, что этой ночью во сне Сергей Геннадиевич вновь видел Люсю. Она снилась ему практически каждую ночь с того самого момента, как они вышли в поход. Она опять стояла к нему спиной, такая маленькая и беззащитная, в центре огромной площади, у подножия какого-то огромного обелиска, который уходил куда-то, к озаряемым белым светом

небесам. Белоснежное платьице на девочке трепал ветер, она медленно поворачивалась к Донскому, протягивая руку ладошкой вверх. Ее растрепанные, густые, скачущие от ветра волосы закрывали лицо девочки и это словно ей совсем не мешало. Она звала его, звала куда-то за собой, а перед ней в свете ярких лучей были видны очертания огромных, церковных куполов…

Глава 2

Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий.
(Мф 25:13).

Это было самое необычное утро в истории. Утро, подарившее большинству людей то, к чему они стремились и чего жаждали во многих философских книгах, научных работах по социологии и прочей бессмысленной и утопичной писанине. Это было утро, подарившее большинству представителей че-ловечества единство. В то утро в каждой точке земного шара любой человек обладающий телевизором, радио, мобильным телефоном и любым другим гаджетом, был увлечен и озабочен только происходящим у берегов Италии, между Апеннин-ским полуостровом и островами Сицилия, Сардиния, Корсика и Эльба, в так называемом Тирренском море. Поначалу, новость о небывалом по силе шторме, возникшем вопреки любым прогнозам синоптиков, была интересна лишь немногим жителям прибрежных городов, однако по мере поступления все новой и новой информации, равнодушных к происходящему практически не осталось.

Маленькая Джованна стояла по пояс в воде и смотрела вдаль. Теплые воды омывали ее ножки, но она не ощущала этого, не ощущала так же, как не слышала взволнованную маму, которая звала ее с берега. Джованна смотрела на нечто великое и грандиозное, самое необычное и завораживающее, что ей приходилось видеть за свои пять лет жизни. Наконец рука отца, схватив девочку за запястье, выдернула малышку из ступора, а затем и из воды. Взволнованная мама судорожно обтерла малышке ноги полотенцем и помогла надеть сарафан и сандалии. Джованна молчала, послушно исполняя указания родителей, однако не могла отвести взгляд от моря. Их семья жила в небольшом прибрежном городе Фьюмичино, который находился совсем недалеко от Рима. Утренний поход на пляж уже давно стал своего рода традицией в их семье, однако сегодня мама с папой, впрочем, как и большинство отдыхающих, сейчас собирались домой не пробыв на берегу и часа. Причина, казалось, была видна отовсюду. От горизонта прямо к берегу двигался небывалый шторм… Серые тучи на совсем недавно чистом голу-бом небе по центру и вовсе становились практически черными.

Тучи освещались разрядами молний, благодаря которым можно было разглядеть главную особенность этого пугающего великолепия. Шторм подобно громадному смерчу закручивался, но не формировал полной воронки, его ветреные темно-серые границы изображали направленный на берег полукруг, словно месяц, который можно было увидеть в ясную ночь на звездном небе. Вихри ветра волновали воду, а яркие всполохи молний пробивали «стены» полумесяца светом.

Уже ступая по песку к парковке, Джованна вновь смогла обернуться. От берега быстрым шагом шли люди, некоторые, напротив, стояли ближе к воде с телефонами и снимали на камеры приближающийся шторм. К берегу с парковки мимо девочки пробежали два человека, молодая девушка с микрофоном и дяденька с большой камерой, за которой тащился черный провод. Провод уходил в небольшой фургон. Джованна практически сразу разглядела в девушке ту репортершу, что часто видела в телевизоре.

– Пап, это же…

– Я знаю, идем, – грубым тоном ответил отец и открыл заднюю дверь машины для дочери.

Надув губы, малышка уселась в детское кресло и сложила ручки под грудью, всем своим видом выражая обиду на отца, однако тот никак на это не отреагировал, лишь молча застегнул ее ремень и уселся за руль. Насупившаяся еще больше Джованна вновь обернулась, охнула,

ведь шторм был теперь еще ближе. Она восторженно стала рассматривать всполохи молний, гром от которых постепенно подходил к берегу легкой вибрацией воздуха. Она смотрела на молнии, а оператор, отведя мощную и до-рогую телевизионную камеру от ведущей напарницы, уже на-водил максимальный зум на него, медленно идущего к берегу в самом центре бушую-щей стихии, на него, идущего по воде.

Глава 3

Блажен тот, кто возьмет и разобьет
младенцев твоих о камень!
Пс. 137.9

Они шли четкой колонной. Впереди светя бойким ручным фонарем, шел дед, за ним Донской с охотничьей винтовкой на плече. Чуть позади плелся Федька, на горбу которого была большая часть вещей из тех, что путники взяли с собой. Тьма и тишина леса вокруг угнетали. Донской то и дело вздрагивал, когда в его голове мелькали мысли о том, что из этой всепоглощающей тьмы на них что-то пристально смотрит. Даже нет, не на них. На него. Только и именно на него. Он в секунду представлял как ужасное нечто хищно зыркает ему вслед сумасшедшими глазами, как жадно облизывается «оно», подбираясь к нему все ближе.

Треснула ветка под ногой, и Донской дернулся, словно невиданный монстр уже действительно набросился на него.

– Геннадич, вы чего? – Федька, уткнувшись в спину Донского, слегка отпрянул и мирно положил на его плечо горячую руку.

– А… ничего, все нормально, Федь. – Наваждение медленно отступало, Донскому становилось легче дышать и мыслить. Он похлопал по руке Федьки и уже практически уверенно зашагал вперед за дедом. В руках ведущего был большой и длинный полицейский фонарик, которым при желании и должной сноровке можно было и обороняться. Светил он далеко, однако казалось, что тьма вокруг пожирает свет, как только тот пытается рассеяться и осветить путникам дорогу. От луча оставался сравнительно небольшой прок, позволяющий двигаться, не врезаясь в деревья.

– Дед, а мы точно не заблудились? – в очередной раз спросил Донской.

– Нет. Час назад мы шли по тропе и свернули туда куда надо.

Дед остановился, вынул из кармана больших штанов свернутую в несколько раз карту. Спутники настигли его через пару секунд и обступили с обеих сторон. Развернув карту, дед направил свет фонаря на нее и стал вглядываться.

– Вот, видишь? – Он ткнул и посвятил на точку на карте. –Это город Орел.

Дед перевел луч чуть ниже на размокшую надпись.

– А это, брат, поселок городского типа Знаменка, где ваш покорный провожатый и проживал в лучшие годы своей жизни, – не без иронии сказал Дед.

– И долго нам до твоей родной обители еще чалиться?

– Ну… – Дед задумчиво поглядел в карту, вздохнул. – Думаю, в течение этих суток уже дойдем.

Он свернул карту, а ведомые им люди, почуяв незыблемую уверенность вожака, перестали задавать вопросы. Вновь вы-строились цепочкой и двинулись за тонким лучиком света, что отчаянно бился с окружающим мраком. Мертвая тишина вокруг оживлялась редким потрескиванием веток под ногами, иногда дед коротко предупреждал спутников о препятствиях, еще реже они находили темы для разговора, однако любой диалог кончался в такой обстановке довольно быстро. Всем одновременно хотелось говорить, общаться, слышать чей-то голос, не чувствовать себя абсолютно одиноким и потерянным в этой мгле, но в то же самое время, сила и спокойствие окружающей тишины заставляли умолкнуть. Да-вили со всех сторон, запрещая нарушать священное молчание в этом сумраке.

– Справа! – Федька произнес это столь неожиданно, что Донскому еще потребовалась пара секунд, чтобы обработать поступившую информацию и направить взор от луча фонаря направо.

– Быть не может, – прошептал Донской. Справа обрисовывались желтым заревом кроны деревьев. Облачко желтоватого свечения пятном нависло над лесом.

– Ну-ка…

Дед вновь развернул карту, долго вглядывался в нее, похмы-кивая от тяжести размышлений, затем часто закивал и, ткнув пальцем на небольшой светлый ореол, сказал:

– Туда нам и надо.

Все уже быстрее и смелее двинулись к зареву. Пятно напоминало то свечение, что образовывалось над большими теплицами, где круглый год трудолюбивые рабочие выращивают продукты. Шаги троицы стали в разы быстрее, само настроение движения изменилось. Оно не было больше монотонным и безнадежным, цель была видна и влекла к себе желанностью и неизведанностью. Зарево совсем накрыло небо, что значило лишь одно – они близко. Последней преградой стала небольшая земляная насыпь, на которую первым взобрался Федька.

– Мать твою бога душу…

Федька ошалело смотрел на что-то, пока его спутники поднимались по насыпи.

– Ох, – дед с кряхтением забрался и выдохнул: – А эту церквушку я знаю.

Перед троицей предстала пылающая церковь. Церквушка, судя по всему, старенькая, деревянная и не столь большая и величественная как принялись строить в последнее время. Она пылала. Ее нутро, заполненное пламенем, просвечивалось сквозь трещины и щели в деревянных стенах, которые тоже были охвачены огнем. Дым уходил вверх, а пламя охватывало башенку, словно тянулось к куполу, на вершине которого объятый алым пламенем стоял крест. В огне он выглядел еще более внушительно и завораживающе. Жар большого пожара добрался до путников, обжигая щеки, врезаясь в глаза. Дышать было тяжело.

– Пригнитесь.

Дед руками надавил на плечи товарищей, опустив их к земле пониже, а затем и вовсе уложив на насыпь брюхом. Донской сглотнул. Перед церковью суетились люди. Худые, кто-то полностью обнаженный, кто-то в лохмотьях, некогда бывших дорогой одеждой, а на некоторых местами одежда дотлевала. От церкви стройными рядами, хромые, обгорелые и перекошенные, шли люди. Они подходили к другим таким же, которые черными от земли и копоти руками клали пришедшим горсти земли в широко расставленные ладони, а затем принимались голыми руками впиваться в землю, раскапывая ее для того, кто придет за ней следующий. Покрытые пеплом и грязью, обожженные люди один за другим и раз за разом ходили к пылающему дому Господа и кидали в него землю. С другой стороны двое тех, что были покрепче других, вращали колодезный рычаг, вытягивая полное ведро воды, передавали его другому, который выплескивал его на горящие стены и вновь нес к ним уже пустой и бесполезный сосуд.

Картина была страшной. Все эти безумные и совершенно бесполезные, бессмысленные попытки тушения выглядели не просто жутко, они ужасали. Люди, в потугах донести свои жалкие охапки земли до цели, то и дело подходили вплотную к пламени. Загорались, обжигались и изуродованными возвращались обратно за новой партией.

– Сколько же их… мама родная… – еле слышно прошептал Дед. Людей действительно было много. Десятки, если не сотни, они постоянно двигались, и сосчитать их было нереально. Однако не это пугало больше всего. Они не кричали. Горящие не вопили от боли, несущие не переговаривались, а те, кто тягал рычаг, не кряхтели. Они словно не издавали ни звука, но так казалось только на первый взгляд. На самом же деле никто из них не молчал. Все эти люди монотонно и в унисон бормотали что-то себе под нос, подвывая и затихая в одних и тех же местах. Их бессмысленное неразборчивое бормотание сливалось в одно целое, создавая до мурашек пробирающий шепчущий хор.

– М-да,.. – Все трое путников смотрели на это как завороженные. – А ведь нам надо еще чуток от этой церквушки, – пробормотал Дед.

– По прямой? – с надеждой на отрицательный ответ произнес Донской, стянув с плеча винтовку.

– Угу, – развеял его надежды дед.

Дед стал подниматься, Донской, переведя дыхание и вновь передернув затвор для уверенности, тоже встал с земли.

– Мы что… Через этих, что ли? – Федька говорил быстро и испуганно, нижняя губа подводила и слегка дрожала.

– Да ты не дрейфь, они ж безобидные, сам же знаешь, – Дед похлопал молодого по плечу и ободряюще улыбнулся.

Федька поднялся, Дед, и Донской уже двинулись вперед.

Становилось жарче, они проходили чуть сбоку от постройки, обходили, чтобы двинуться по узкой тропе от церкви дальше, к Знаменке.

Бормотание нарастало, слышалось сначала сильнее, а потом и вовсе их монотонный синхронный гул словно заполнил собой все пространство. Люди проходили мимо троицы, обступали своими потоками, не замечая путников. От них смердело. Запах жареного человеческого мяса бил по обонянию. О плечо Донского ударился неуклюжий тощий старик, голый и обожженный, местами с черной как уголь кожей. Сергей отскочил в сторону и уперся винтовочным стволом ему прямо в грудь. Старик же, словно вырванный из грез, ошарашенно смотрел на него. От этого взгляда становилось не по себе. Широкие до невозможности зрачки, заплывшие кровью от лопнувших ка-пилляров белки и полное безумие, граничащее с пониманием всего сущего во взгляде. Возможно, и то и другое было верно, и этот сумасшедший взгляд, был плодом полного, безграничного понимая всего и вся. Губы старика все так же еле открываясь, двигались, и он бормотал, как и все. Не сводя с него оружия, Донской двигался спиной за товарищами.

Федька, до этого момента и так уже давший слабину, вновь стал шепотом ругаться. Громко сломалось бревно в стене у самого основания. За-трещала вся церквушка и вот, казалось бы, стена должна начать валиться как домино, однако верные спасители храма божьего и тут пришли на помощь. Один безумец, тощий и в обгоревших лохмотьях, как подорванный, подбежал к трещине и, столкнув прогоревшую древесину внутрь, без раздумий и промедлений лег на ее место грудью. Его тут же охватило пламя, треснув, на него повалилась стена сверху, но дальше обвала не случилось.

Доска из живого человека идеально заняла место пробоины, по-звоночник хрустнул и прогнулся под весом, плоть загорелась и чернела, а человек со «все понимающими» глазами все быстрее и словно счастливее бормотал свою мантру. Донской вслушивался, стараясь разобрать слова, но никак не мог, а их пораженная увиденным троица уже уходила от пылающего здания по узкой тропе. Их вновь вел свет фонаря, их вновь было только трое, они вновь были во тьме и такой уже родной и долгожданной тишине. Донской, наконец убрав винтовку за плечо, осознал, что у него получилось различить лишь одно слово из всего безумного бормотания. Последнее слово их цикличной «песни», слово «аминь».

Скрипнула старая, проржавевшая калитка, Дед медленно и словно не веря в происходящее двигался по узкой плиточной дорожке к одноэтажному дачному домику. Белый кирпич, черепичная крыша, большие окна веранды, мощная металлическая дверь. Жилище Деда находилось на окраине улицы, и было одним из первых на дороге от горящей церкви к Знаменке.

– Милости прошу… – Дед распахнул дверь, на удивление, в отличие от калитки, она не издала ни звука. Неуверенно шагая по темному коридору, хозяин добрался до небольшой кухоньки, миновав двери в спальню и ванную. Донской и Федька, осматриваясь, шли за товарищем, не говоря ни слова. Оба не хотели нарушать такой момент.

– Лет 15 я тут не был, – еле слышно произнес Дед, после чего сдул с небольшого стола в центре помещения пыль, взял с полочки над плитой граненую вазу, после чего вложил в нее фонарь лучом вниз. Свет послушно рассеялся от углов и граней вазы и осветил комнату. Донской, наконец, стянул с себя рюкзак, поставил на стол и облегченно выдохнул. Молодой сполз на пол и сел, опершись на стену спиной. Взгляд его был пустым. Действительно, долгий путь окончен, цель, к которой шли – здесь, но смысл существования исчез. Что теперь делать? В пути казалось, что, добравшись до точки, они обретут что-то, заслужат покой и все станет нормальным. Обретет смысл. Но нет. Они здесь и это всего лишь факт, не достижение, не подвиг и не свершение. Просто факт, который оставляет каждого из путников наедине с мыслями, гнетущими еще больше, чем всеобщая ситуация.

– И что теперь? – озвучил повисший в воздухе вопрос Донской.

– Я здесь остаюсь, – сипло и равнодушно сказал Дед. – Вы

как хотите, так и поступайте

– Дед, не пори горячку, – начал было Донской, но Дед перебил его.

– Я обещал вывести нас к людям, к селениям, дальше мы друг другу ничем не обязаны. Я дома, Серег, впервые за столько лет, теперь я не уйду, и пусть снаружи хоть вечные пляски эти будут.

– А нам-то что делать? – обреченно и грустно спросил Федька, совсем растерявшийся от тяжести будущих решений.

– Что хотите, то и делайте. Я никому из вас не мамка, – цинично отрезал Дед. – Захотите остаться, не прогоню, а так – дальше без меня, братцы.

Донской отставил себе стул, опустился на него и глубоко вздохнул.

– Есть что выпить? – спросил Геннадич, положив на стол винтовку.

Дед поднял палец вверх, словно вспомнив что-то, встал и прошелся к раковине, под которой, как и в любом русском жи-лище, стояло мусорное ведро.

– Интересно, моя старушка схрон мой сохранила? – как бы даже с ухмылкой сказал Дед, после чего с гордостью вынул из-за мусорки бутылку водки.

– Сохранила, любовь моя! – Дед от счастья смачно поцеловал пыльную бутыль. Поднялся, с полки взял стаканы и поставил на стол.

– А ты…ну… знаешь, где твоя сейчас? – робко и осторожно спросил Сергей.

Дед помолчал, затем явно с болью в голосе произнес:

– Пляшет, наверное, где-то, бормочет. Она у меня набожная была, я как на дело – она свечку в церковь тащит.

Водка с приятным журчанием разлилась по стаканам. Сергей обхватил свой и сразу махнул его внутрь.

– Ох, хороша! – воскликнул Донской, поморщившись.

– Эх, торопыга, нет чтоб друзей подождать, алкаш, – сказал Дед без злобы и плеснул Донскому еще. Федька подобрался к ним, молча взял свой стакан. Затем и Дед. Вздох, фраза «не чокаясь» и горячая жидкость прожгла души путников.

– Ох… Федька, ты бы, что ли, закусь из рюкзаков достал. – Морщась сказал дед,

Федя молча подошел к вещам и стал доставать пожитки. Усевшись за стол, мужчины продолжили пить. Вскоре они уже изрядно захмелели, Донской даже покраснел в щеках.

– Деда, где у тебя до ветру сходить можно? – поинтересовался Донской у товарища.

– На улицу прись, тут смыв то всяко не работает.

Донской с неохотой встал, за ремешок потащил с собой винтовку, с которой не расставался, вышел на улицу и побрел по плитке на задний двор. Его немного шатало, но стена служила верной опорой. Став у большого дерева, Донской, закрыв глаза, стал облегчаться, однако к мирному журчанию быстро добавилось нечто инородное. Сергей открыл глаза, привел себя

в порядок и прислушался, стянув ружье с плеча. Монотонное бормотание. То самое безумное бормотание, оно приближалось, нарастало будто бы в его голове, он даже на несколько секунд поверил, что это действительно в его голове. Зажмурился, напрягая извилины, но звук не пропадал, тогда он, шатающейся походкой двинулся вокруг дома, ружье в руках давало уверенности и решимости, а спирт подбадривал изнутри. Выйдя к калитке, Донской вскинул ружье и поставил его на низенькую дверцу как на опору. По дороге, скребя голыми ногами по асфальту, брели обгоревшие, подкопченные люди. Те самые, что бесперспективно тушили церковь. Донской понял это по ним сразу, а тот дед, выплывший в прицел перед ним, разрушил все сомнения. Именно этот дед столкнулся с ним там, а сейчас плелся вслед за своими собратьями в сторону центра Знаменки. Головы людей были опущены вниз, стыдливо так, горестно опущены. Несложно было догадаться, что они скорбели о церкви, которую, судя по всему, не удалось спасти. Донской прильнул к прицелу в порыве пьяной злобы, положил палец на спуск, нежно поглаживая крючок. Он выбирал, чья голова станет первой мишенью.

– Не стоит. – Ему на плечо легла рука деда. – Их не за что убивать.

Донской сглотнул, словно прогоняя наваждение, потряс головой и снял ружье с опоры.

– Как думаешь, куда они идут?

– Понятия не имею, на нас им плевать и черт с ними. – Он

как бы ласково за плечо потащил Донского за собой. – Пойдем в дом, Геннадич, пойдем в дом…

Глава 4

Церковь – это место, где джентльмены, никогда не бывавшие на небесах, рассказывают о них небылицы тем, кто никогда туда не попадет.
Генри Менкен

Джованна была не на шутку напугана. Мама с папой давно, а точнее, никогда так друг на друга не кричали. Она стояла в дверном проеме их светлой кухни и бесшумно плакала. Она уже давно потеряла всякую суть разговора, и как ни пыталась, не могла понять, о чем они спорят. Папа кричал на маму, активно жестикулируя, указывая то на пол, то на Джованну, а мама как из пулемета стреляла в папу словами. Она тоже размахивала руками, а иногда, когда ее слова звучали как крик она указывала рукой на висящий над холодильником небольшой телевизор, как бы подтверждая этим свои слова. На экране показывали людей. Много. Очень много людей. Они шли по большой дороге, где обычно ездят машины, Джованна в слезах и забыла, как называется такая большая дорога. Шли огромной прирастающей толпой, крестились руками, что-то говорили. На крупных планах было видно, что некоторые с улыбкой плачут, кто-то несет на руках деток, еще младше Джованны.

Девочке было жутко интересно, что происходит? Какой-то праздник, к которому не готовились мама с папой? Карна-вал? Или дело в том странном дядечке, которого то и дело показывали крупно, издали и вообще со всех возможных ра-курсов. Дядечка был просто одет, на нем была… боже, как же это называется? Священник в Фьюмичинской церквушке носит ее… Точно! Ряса. Дядечка был одет в посеревшую рясу, волочив-шуюся за ним по грязному асфальту. Руки его были спрятаны рукавами, но ладони явно прижаты друг к другу. Глаза смотрели перед собой. Взгляд был пустым, губы сжаты практически до полоски. Тут Джованну схватила за ручку мама, потащила в гости-ную, открыла шкафчики с одеждой и, выбрасывая ее на пол с полок, что-то искала.

– Мама, ты разбрасываешь вещи, тут будет бардак, – всхлипнув, сказала девочка.

– Я знаю Джови, мама потом все соберет, солнышко, вот, надень свое любимое платьице. Она всучила дочери белоснежное платье. Джови улыбнулась. Если можно надеть это платье, то это точно праздник. Облачившись в наряд, девочка вновь шагнула к маме, которая прихорашивалась, судорожно крася губы помадой. Папа продолжал злиться, он запрещал маме и Джови куда-либо ехать, кричал на маму, называл ее безмозглой дурой, а та в свою очередь подошла к полкам прихожей, взяла ключи от машины и поманила Джованну к себе:

– Идем, милая.

Девочка послушно взялась за руку матери и шагнула с ней за порог. Папа, разведя руками, что-то крикнул вслед, но, закрывшись, дверь обрубила его речь на полуслове. Мама усадила Джованну в кресло, пристегнула, явно торопясь, села за руль, завела машину и отъехала от дома. Почему-то именно сейчас малышка Джови ощущала себя как-то странно. В груди стало холодно и пусто, она даже обернулась на дом, а завернув за угол, засмотрелась на солнце, словно видела его в последний раз.

Глава 5.

В мире слишком мало любви и благости, чтобы их можно было расточать воображаемым существам
Фридрих Ницше

Донской проснулся позже всех. Уж очень много сил он за-тратил, чтобы вырваться из грез, где малышка звала его за собой. Да, Люся вновь снилась ему, хотя сейчас он уже не был так уверен, что это она. Сон повторился в точности до мелочей, за исключением одной детали. В гуще растрепанных ветром волос, прикрывающих лицо, на этот раз горели ясным светом глаза. Нет, их не было «ясно видно» или что-то подобное, они натурально светились и словно смотрели не на Донского, а ку-да-то в его душу. Взгляд не был гнетущим или зловещим, скорее пристальным… Когда Геннадичу наконец довелось проснуться, тело густо покрывали мурашки… Его место было на уютном, пускай и жутко пыльном чер-даке, откуда вниз вела раздвижная лестница. Немного потряс головой, понял, что произошло не иначе как чудо. Похмелье после вчерашней попойки миновало его совсем. Тело не было катастрофично тяжелым, голова не гудела, да и вообще он чувствовал себя выспавшимся. Потянувшись, он стал спускаться вниз в поисках товарищей. С кухни доносились тихие басистые голоса деда и Федьки.

Света в доме не было, и коридор освещал тусклый свет фонаря, лежащего на кухонном столе лучом к двери. Это то-варищи предусмотрительно позаботились, чтобы Геннадич как проснется, не переломал себе кости в кромешной темноте.

– И что ты собираешься делать? Какой у тебя план теперь? – выспрашивал Федька у деда. Это Донской увидел, войдя на кухню.

Дед стоял спиной к двери, на столе перед ним, где совсем недавно была водка и закуски, уже лежала охотничья «Сайга», которую он по пьяни пару раз упомянул, говоря о том, что хранится в потаенных уголках его дома. Рядом с ней ящик крупных патронов и старенький, но блестящий как новый ТТ. Дед стоял с голым торсом, руки по локоть запачканы маслом, которым он старательно чистил оружие. В его возрасте худощавое тело все равно оставалось сильным и жилистым.

– А ты как думаешь, Федь? Чем еще я могу теперь заняться? – как бы с усмешкой спрашивал дед, словно молодой сказал нечто очень глупое. – Я не зря ношу свой крест, Федь, отказываться от него я не собираюсь, особенно в данных обстоятельствах. Дед развернулся полубоком к Феде и Донскому и показательно ткнул себя по татуировке в виде креста трефовой масти, что располагалась у него в верхней части груди.

– Грабить да мародерить думаешь? – без всяких изменений в интонации уточнил Федя.

– Скорее сначала мародерить, а потом уже грабить. Сейчас не так много людей в здравом уме, а сотни и тысячи хат стоят, пустуют, бери не хочу, а там да, думаю пошалить на старости лет, – с неким пацанским задором сказал дед, вставляя патроны в магазин «Сайги».

Донской вздохнул, сел на табурет у стола, разглядывая оружие.

– Чего такое, Геннадич? – хрипло поинтересовался дед. – Похмелос мучает?

– Не, скорее думу думаю.

– По поводу?

– Что лично мне делать дальше? По такому вот поводу. – Донской взял со стола патрон от ТТ и покрутил пальцами.

– Оставайся, я вон как понимаю, Федор уже решился со мной тут обосноваться.

Молодой лишь неуверенно, а скорее вяло кивнул.

– Не-е-е, деда, это ваша душа к такому лежит, а я как-то не готов, что ли, не мое это, сам знаешь.

– Твое не твое, жизнь сейчас такая наступает, либо ты, либо тебя, вот увидишь, как народ, что в уме остался, быстро дичать начнет.

– А вот я не хочу, не хочу так, дед, понимаешь? Я со смыслом жить хочу, чтоб маза на то весомая была. – В словах Донского

проскочил не очень любимый им самим сленг. – Не выживать ради выживания как животное.

Донской действительно не мог представить себя в бригаде разбойников и грабителей, но к своим товарищам не чувствовал ни малейшего отвращения. Он понимал их и их взгляд на мир, возможно, при других обстоятельствах он не был бы таким моралистом, но не сомневался, что оставшееся ему время на этой земле нужно провести со стоящей целью. За этими мыслями он и не заметил, как его взгляд застыл на другой татуировке деда.

Под ключицей товарища красовалась умело набитая восьмиконечная звезда.

– А ты с каких пор в моралисты заделался, старичок? Не ты ли у нас самый «лютый» в хате был? Или ты забыл свою погремуху? Забыл, за что на нары присел?

– Закройся, Дед, – грубо отрезал Донской, поднявшись с табурета. – Я как решил, так и будет, не морочь голову.

– Как скажешь, браток, как скажешь, не мне тебя держать, да и незачем, куда пойдешь хоть?

– Сначала думаю до центра Знаменки, там, может, к Орлу двину, не знаю еще.

Донской подошел к своему рюкзаку, открыл его широко, расстегнув все молнии, и стал аккуратно укладывать в него по-ходные принадлежности.

– Э не, так дело не пойдет, Серег, ты щас валить удумал? Позавтракаем, лясы поточим на дорожку, бог весть, когда теперь увидимся, а гнать тебя мне совесть не позволит. Ты в моем доме всегда в почете и к месту, так что, если надо, квартируй, сколько требуется.

Донской тепло улыбнулся. Примерно такого он от Деда и ждал, знал, что «братком» он его не просто так кличет.

– Спасибо, добрый хозяин, но я долго казенный хабар тратить не буду, сотрапезничаю с вами да в путь двину. – Донской слегка гоготнул в конце. Он боялся, пусть и глубоко в душе, но боялся этого разговора.

– Федя, чего стоишь, потроши наш «казенный хабар», давай, – передразнил Донского дед.

Поляну накрыли быстро, вкусно, и запили все рюмкой за Геннадича. Пошла легко, сразу расслабило и как-то даже не хотелось уже уходить. Хотелось дальше сидеть за столом, пить, травить анекдоты и так пока не уснешь.

– Все, пора мне, – Донской с трудом встал, перебарывая цеп-кие лапы их мирных посиделок.

Сложил в рюкзак свою долю провизии, забрал из общей сумки небольшой налобный фонарь, пачку батареек к нему. Бутылку воды, флягу спирта и, конечно, свое охотничье оружие.

– Погодь.

Дед вынул из своей сумки ТТ, смазанный и чистый, словно с завода или консервации.

– На вот, возьми, лишним всяко не будет.

Вежливо отказываться Геннадич не стал, взял пистолет и поместил за пояс, прижав штанами, которые он раздобыл, походные, теплые, в лесную расцветку. Тогда они троицей нашли домик лесничего, пустовавший в глуши, и недолго думая раздербанили его гардероб и запасы

в угоду своим потребностям. Так Донскому достались штаны и теплый черный свитер, что и сейчас были на нем.

– Благодарю. – Они с дедом крепко обнялись на пороге.

Даже сейчас Донской чувствовал, какой же его товарищ сильный, даже будучи в годах. Он уж точно не пропадет, да и Федька с ним тоже. Молодой, долго молчавший в стороне, подошел и еще пуще Деда обнял Сергея. Привязались уже друг к другу…

Дед за порог не ступил. Прощание с другом для него и так было тяжелым. Во мрак за Сергеем пошел Федя. Светя налобным фонарем и рассекая тьму, окружавшую все вокруг, Донской медленно побрел к калитке.

– Геннадич… может, не надо? Останешься, будем вместе искать твои эти «смыслы». Федя всхлипнул, совсем уж расчувствовавшись.

– Нет, Федь, вы свои смыслы уже нашли, а у меня нет

столько времени вас в них разубеждать. – Донской остановился у калитки, повернувшись к Федору.

– Но… почему нету-то, блин! – воскликнул отчаянно Федя. – Ты что, помирать завтра наметил уже?

– Может и наметил, Федь, – усмехнулся Донской нерадостно, – опухоль мозга у меня брат, рак.

– Но… но… как? Когда успел, твою мать?!

– Незадолго до всеобщего абзаца, медичке нашей моя мигрень не понравилась, провела обследование, помнишь, я в санблоке лежал долго?

Федя, пуская по щекам горячие слезы, незаметные в темноте улицы, лишь тихо угукнул.

– Ну вот. Навыписывала колес от симптомов, но там лечить надо серьезно было, обещала поговорить, решить как-то, может, не лучевую терапию, так химозой какой меня покапать, но, видать, не успела. А теперь все, Федь, абзац всему, не будет никакой химозы и лечения.

Донской говорил спокойно, голосом полностью смирившегося человека, в интонации даже проскальзывали нотки легкой иронии.

– Так что мне и остается, брат, только прожить то, что осталось, не впустую.

Донской развернулся к дороге и побрел по ней во мрак, освещая путь тонким лучом фонаря, и на громкое молчание Феди уже не оборачивался.

Глава 6

И все, что приключается нам, бывает за злые дела наши и за великие грехи наши.
Вторая книга Эздры 8:83

Держась за мамину ручку, Джованна обошла обелиск, стоящий в центре площади. Больше всего на свете Джови сейчас боялась, что мамина рука ускользнет в этой толпе, в этом нескончаемом человеческом потоке, заполняющем площадь Петра как жидкость сосуд. Мама бросила машину прямо на дороге, как и многие другие, она быстрее тащила дочь за собой, в гущу толпы, расталкивая более медленных людей, мама почему-то хотела быть ближе всех к тому странному дядечке, что шел впереди все это время. Джованна не понимала, что происходит и почему этот дядечка и все эти люди столько шли по дороге пешком, почему не вызвать такси или не поехать на автобусе? Хотя, может, они сейчас и не ходят, ведь весь транспорт, что видела Джови, стоял. Пока они шли по Риму вслед за дядечкой, лишь изредка кто-то гудел сигналом позади нескончаемой толпы. Девочка жутко устала, ножки уже не всегда слушались и ныли от боли, но до хныканья дочери маме словно не было дела. Она была так увлечена тем, чтобы во что бы то ни стало успеть за дядечкой, быть ближе других к нему, что безжалостно волочила дочь за собой, лишь иногда поднимая на руки, когда Джови плелась слишком медленно.

Они, наконец, остановились. Идти вперед стало просто невозможно, там стояла не просто толпа, а живая стена из тысяч людей. Сзади подходили еще люди, становилось тяжело дышать, казалось, они просто раздавят малышку как муравья, как мелкую букашку и даже не заметят. Мама прижала дро-жащую девочку к себе рукой, сжав плечо дочки так сильно, что Джови поморщилась. В редкие просветы между людьми девочка пыталась рассмотреть дядечку в рясе… Джови сильно толкнули в бок, и они с мамой чудом не упали, ухватившись за стоящего рядом мужчину. Повернув голову на обидчика, Джови увидела лишь удаляющуюся вглубь толпы широкую спину крупного мужчины, который за счет габаритов с легкостью проталкивался сквозь человеческий поток…

День был достаточно жарким, и весь их с мамой путь Джови ужасно хотелось пить, девочка не раз просила об этом маму, но та лишь твердила ей потерпеть еще чуть-чуть но так и не находила заветной воды. Сейчас Джови уже начинало тошнить от жары, однако тень от величественного купола собора Святого Петра хоть как-то спасала ее. Джови хотела отступить от мамы, но тут же уперлась в чью-то ногу, сзади – в чью-то грудь, а спереди, естественно, была чья-то спина. Она чувствовала себя такой маленькой, такой беззащитной сейчас, ей жутко хотелось к папе, чтобы он закрыл ее от всех этих дурно пахнущих уставших людей, поса-дил на свои сильные плечи и сделал с ней самолетик. Боже, как же она любила самолетик! Что может быть лучше, чем развести руки в стороны и просто летать, сидя на папиных плечах, понимая, что папины руки не отпустят твои ножки и не дадут упасть. Джови думала об этом и не подозревала, что папа и сейчас искал ее и маму. Он толпился с другими людьми, казалось бы, в просторной арке у входа на площадь, но никак не мог протолкнуться меж гущи людей… Она не знала, что он выкрикивал их с мамой имена, расталкивал мужчин и обступал женщин, она не знала и не могла знать, в какой панике он пытался их найти в этой многотысячной беспросветной толпе.

Гомон резко стих, что выдернуло девочку из ее думок, сквозь маленькую щель она видела, как тот дядечка стоит прямо перед собором и простирает руки к толпе, а та в ответ, словно зомби, тянет руки к нему, но почему-то не может дотянуться. Громогласно раздался

голос… Он стал звучать, словно не из уст дядечки, а отовсюду, от каждой колонны собора, от каждой плиточки площади, от каждого пушистого облачка. Джови совсем не понимала, что говорит дядечка, но все вокруг замерли, в каком-то благоговейном трепете глядя на него, на его движущиеся губы, складывающие звуки в совсем непонятные для девочки слова. Тон и голос у этого дядечки был очень певучий и в то же время мягкий, просто слушая его и вовсе ничего не понимая, девочке все равно становилось как-то спокойнее. Она тоже уставилась на его губы складывающие звуки в слова и уже не хотела ничего кроме как слушать эту прекрасную сладкую, как песня, речь… Джови дернулась, когда мама сильно сжала ее ручку. Девочка задрала голову и посмотрела на нее, но не узнала… В глазах мамы не было мамы. Была какая-то небывалая, не-реальная радость, лицо искажала счастливая гримаса, а грудь от дыхания почти не вздымалась, словно мама и перестала дышать, слушая дядечку. Другой рукой мама держалась за руку чужого мужчины слева от нее, и Джови поняла, что что-то не так. Все вокруг схватились за руки, были настолько погружены в мелодичные напевы дядечки, что стали пошатываться из стороны в сторону в такт его словам…

– Ма-а-ам… – Джови стала дергать маму за ручку, пытаясь обратить ее внимание на себя, но мама не отводила глаз от дядечки…

– Мамочка, мам! Мам, пожалуйста, пойдем домой, мне страшно, мам! Я хочу к папе!

Джови, надрывалась, и уже всем тельцем трепала маме руку заливаясь слезами, а мама, глядя лишь на него, уже переваливалась с ноги на ногу в такт словам, так же как это делали и другие… Все, словно это был огромный флешмоб, переваливались в каком-то трансе из стороны в сторону идеально синхронно. Вне зависимости от возраста и пола все слились в этом едином безумном танце, и тысячи человек в один голос, словно по команде, стали вторить его речи, и это, казалось, было слышно в любом уголке мира. Было так громко и бездушно, что Джови перестала нравиться эта «песня», она стала ее пу-гать, да так сильно, что слезы текли по щекам уже постоянно.

– Мамочка! Очнись, мамочка! Пожалуйста! – Девочка в от-чаянии забила своими кулачками по бедру мамы, упала на ко-ленки и зарыдала…

Она уже не видела, как дядечка превознес руки к небу и, по всей видимости, хотел завершить песнь, сказав что-то важное, самое важное, что могло быть… Джови рыдала так, что слышала только себя, не слышала ни певучий и такой мягкий голос дядечки, ни хоровую песнь пляшущих людей, не слышала Джови и громкого одиночного хлопка… А потом все затихло. В одночасье все люди замолчали и замерли, уставившись в одну точку… Джови как-то сама по себе прекратила плакать и поднялась на ножки. Мама стеклянными глазами смотрела на тело дядечки, лежащее между колонн собора. Джови могла разглядеть только тело и не видела темноалую кровь, разливающуюся лужей из-под рясы. Все более темная струя крови медленно стекала по ступеням вниз. Казалось, время замерло. Люди стояли недвижимо, словно статуи, замершие по чьей-то команде, живыми в них были только безумные и очень широкие зрачки, что смотрели за стекающей по ступеням струйкой… Струйка остановилась на краю первой ступени и до площади ее разделяли несколько сантиметров свободного падения…

Струя замерла, но скопившаяся бордовая капля сначала повисла на краю ступени, словно раздумывая, падать ей или завершить свой путь здесь, а потом упала вниз, оставив от себя лишь крохотное красное пятнышко. Толпа дружно вздохнула, словно у них было одно дыхание на всех… и разверзся гром. Такой громкий, что под ногами Джови затряслась земля, а сама малышка, в ужасе закрывая ушки и глаза, пятилась назад, меж обезумевших людей, пока не споткнулась об кого-то и не упала. Громыхало так, что девочка вздрагивала и кричала. Не имея в себе сил открыть глаза, она крепче прижала ладони к ушкам и свернулась калачиком, рыдая и закрываясь от всего вокруг…

Она уже не видела, как на небе образовались серые тучи и мелькали молнии. Джови не видела, как серая буря в секунды превращается в непроглядную мутную мглу, пожирающую

свет и закрывающую солнце. Не видела девочка и то, как закрыла и съела эта мгла последний лучик солнца, а толпа вышла из ступора и, образуя витиеватые колонны, стала двигаться. Не видела Джови и как люди, шепча себе под нос ту, некогда прекрасную песнь дядечки, что он так и не успел закончить, передавали его бездыханное тело по рукам, как рок-звезду на концерте, как выносили его тысячами рук через арку, а потом, подобно муравьям, следовали за ним, покидая площадь сквозь великолепные своды арки.

Рыдая, девочка вспоминала семейные вечера, когда они с мамой и папой, держась за ручки, гуляли по Фьюмичино, смотрели фильмы и болтали о всякой ерунде. Почему-то отчетливо Джови помнила последний воскресный вечер, когда она приставала к папе с расспросами о самой себе:

– Пап, а почему вы назвали меня Джованной, а не Анжеликой или Сьюзан? – спрашивала девочка насупившись. В садике все мальчики не отлипали от Анжелики, когда узнали, что ее имя означает ангел. Ответ Джови не помнила, не могла вспомнить, ей было намного важнее вспомнить лицо папы, здоровые и не одержимые глазки мамочки и теплую улыбку папочки…

Джови так и не вспомнила, что ответили ей родители, хотя возможно, это и было самым важным ее воспоминанием, ведь имя – Джованна выбрала ее религиозная мама, настоявшая на том, чтобы имя ее дочери означало с итальянского – **«помилованная Богом»**.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Раз я знаю, что ты придешь, я могу тебя ждать сколько угодно.
А.Камю

Бутилированная вода не могла оказаться лишней в таких условиях, поэтому Донской, не раздумывая, поместил найден-ные им на полке магазина бутылки по 0,5 себе в рюкзак. Вновь закинув его себе за спину, он медленно и осторожно побрел между стеллажей дальше. Магазин, как и ожидалось, был давно разграблен и пуст, под тяжелыми ботинками Сергея хрустели осколки стекла, словно подмерзший снег в хорошую зиму. Свет налобного фонарика был не единственным в помещении. Через витрину магазин слегка окрашивался в желтоватый цвет, вызванный большим пожарищем в доме напротив. Четырехэтажное здание пылало полностью, от первого до последнего этажа и освещало приличную долю пространства. Геннадичу было даже непривычно видеть очертания чего-либо дальше, чем пара десятков метров, однако сейчас благодаря яркому пожарищу, взору Донского открывалась вся центральная улица Знаменки. На удивление, здесь не было ни души. Ни одного бродящего и бубнящего что-то себе под нос безумца, ни одного смелого, снаряженного по самое не горюй мародера и даже ни одного животного. Донской переступил порог магазина и вновь оказался на воздухе. Назвать его свежим было нельзя, ведь жар от пылающего напротив дома настойчиво пытался греть и сжирать прохлад-ный уличный кислород. Донской не хотел думать о причинах появления неожидан-ного и весьма полезного в новых условиях жизни «светильника», ведь их – вариантов было великое множество. От простого «когда все началось, какая-нибудь старушка не выключила газ, и наполненная горючим веществом квартира ждала малейшей искры» до намеренного поджога дома местными, чтобы хоть как-то ориентироваться в пространстве. В поджог верилось меньше всего, ведь, учитывая тесную застройку, из-за такого огненного соседства другим до-мам центрального района Знаменки в ближайшем будущем светило то же самое. Огонь перекинется дальше. Геннадич в этом не сомневался. Сомневался он лишь в том, что ему делать дальше. Вернуться к Деду и Федьке? Бродить тут в поисках счастья? Мозговой штурм прервал тихий скрежет металла об асфальт. Через всю проезжую часть прямо на Геннадича шел худощавый и шепчущий сам себе человек. В руке он держал большой пожарный топор, лезвие которого волочилось по асфальту, противно скрежеща. Донской ни разу не видел, чтобы безумцы хоть как-то про-являли агрессию и делали что-то, угрожающее кому-либо кроме их самих, однако внутренний параноик советовал не проверять свою веру в их безобидность на прочность. Донской ловко вскинул винтовку и приложился глазом к стеклышку оптики. Силуэт мужчины покачивался неровной походкой. Его мишенью не был человек, это был именно безликий силуэт, освещенный со спины ярким пламенем. Так даже проще. Ты не видишь его глаза, лицо, шепчущие губы. Громко бухнуло, толкнув Сергея в плечо. Грохот сразу перешел в тонкий звон в ушах. Силуэт слегка дернулся плечом и упал, словно его просто выключили.

Донской вновь закинул за плечо ружье и потер пальцами уши, разгоняя неприятный навязчивый шум. Поначалу казалось, что это шутка его фантазии, однако когда шум от выстрела в ушах полностью стих, Донской с расплывающейся улыбкой различил нарастающий мелодичный звук. Неразборчивая мелодия тут же превратилась в греющий душу голос Луи Армстронга, запевающего самое начало легендарной «What A Wonderful World».

Из-за поворота ярко и неожиданно засветили большие фары, а вскоре появился большой и длинный светящийся островок, не спеша движущийся автобус из тех, что поновее и покомфортабельнее. Донской, не осознавая этого, включил налобный фонарь, глядя прямо на чудеса общественных перевозок.

«I see skies of blue and clouds of white…» – запевал Луи, пока автобус плавно начинал замедляться, приближаясь к Донскому и уже освещая его фарами.

«The bright blessed day, the dark sacred night» – протянул мистер Армстронг, когда, тихо шипя, начали отворяться передние двери салона и сразу же:

«And I think to myself, what a wonderful world…» – когда двери за вошедшим внутрь Донским закрылись.

– Ну, здорова, кренделечек, – низкий глухой голос сидящего за баранкой мужика, затем протянутая полноватая рука. Рукопожатие.

– Здравствуйте…

– Серега.

– Тезки.

Донской был слегка растерян. Столкнулся взглядом с водилой. Одет он был вовсе не под обстановку, казалось, он вообще ехал обычный рейс, такие же темные брюки, синяя, слегка про-потевшая рубаха, расстегнутая сверху так, что массив волос на груди уверенно заявлял о своем присутствии.

– А вы… как… куда? Я просто… – Донской не мог собраться с мыслями и задать все вопросы, коих было слишком много сразу, однако тезка понимающе кивнул и сам продолжил за него:

– Ни хрена не понимаешь. Согласен, миру абзац, хе-хе, да тут «бусик» целехонький. Сюр какой-то, да и только, сам понимаю! – Серега большой рукой потрепал Донского за плечо словно юнца, хотя и был лет на 10 моложе. Возникать Геннадич не стал, в конце концов, на этом странноватом островке жизни и света он пока еще был гость, к тому же нежданный, который, как известно хуже татарина.

– Ты проходи, тезка, я те потом расскажу все, пока распола-гайся коль никуда не надо. Или ты тут живешь?

– Нет. Не живу…, – Донской прошел внутрь салона, очень необычного. В первой части вовсе не было сидячих мест, вместо них на полу лежали ковры, один на другом, и спальные мешки сверху. Чуть дальше было несколько синеватых кресел, таких, как всегда в этих «бусиках». На первой паре сидений располагались двое крепких, похожих друг на друга мужчин. Короткие стрижки, грубые лица. На вид им было лет по 30-35, мощные, сильные, таких обычно называют «шкафы». Геннадич заметил протянутую ему руку

– Слава, – первый крепко пожал руку Донского, затем и второй.

– Юрий.

Донской моргнул, запоминая имена мужиков.

– Вас как звать, старче? – спросил тот, который Слава. «Вас», – подумал Донской. Все же чтут возраст мужики, а это хороший знак. Быдло, будь перед ним именно оно, обязательно «тыкало» бы ему, сколько бы лет разницы меж ними не было.

– Сергей Геннадич, – прохрипел Донской, кивая мужикам и шагая по салону дальше. Буквально через пару шагов его пере-дернуло. На одинарном сиденье сидел одетый в черную длинную рясу поп. На груди красовался большой блестящий крест, за который этот «поп» и держался. Священник или поп? Как правильно? Донской совершенно не разбирался, даже имея за спиной в разы больше, чем тот, кто был перед ним, то ли священнику, то ли попу, было не больше 25 на вид. Темные в цвет рясе волосы, очки в тонкой оправе, глаза за которыми казались совсем уж крохотными. Робко протянутую для приветствия руку Донской не заметил, шагая дальше, спеша увести самого себя от него подальше. Не глядя под ноги, Донской осту-

пился и стал валиться вбок, неловко и нелепо, как присуще людям его «почти преклонного» возраста.

– Ой, дедушка, аккуратнее! – раздался в автобусе звонкий, певучий девичий голосок. Его подхватила под руку невысокая и совсем молоденькая девчушка. Темные, матово-черные волосы, очень милое личико, ярко-зеленые глаза. Девочка мило улыбнулась Геннадичу, тем самым продемонстрировав ему милые ямочки на щечках и невероятно красивую, завораживающую улыбку.

«Эх, где мои кхе-кхе-хе лет», – в шутку подумал Донской.

Будь он лет на 35-40 моложе, она бы ему обязательно понравилась, а после такой улыбки он бы влюбился в нее в ту же секунду. Не чувствуя уверенности в ногах, Геннадич позволил девочке усадить себя на расстеленный сзади большой ковер. Кресел тут тоже не было, демонтировали их, так же как и в начале салона, разложили настилы и спальники, одеяла и подушки. Напротив него оказался такой же молодой, как и девушка парень. Наверняка ровесник или же разница вовсе несущественна, если она вообще есть. Темная кофта, плотная, с хорошим капюшоном, темные джинсы без ремня и черно-красные «Джорданы».

Они пожали руки.

– Матвей, – представился парень, тоже темноволосый, черноглазый и симпатичный.

– Сергей Геннадиевич, – ответил ему Донской.

– Очень приятно, – произнес Матвей, не лукавя.

– Мне тоже, – заявила девочка. – Я Настя.

Настя уселась на коврик рядом с Геннадичем и собрала ноги под себя. Ноги ее были обтянуты узкими джинсами, сверху туговатый свитер, заправленный в джинсы. И то и другое добавляло в копилку девушки еще с сотню очков. Красивые ровные ноги, немалые формы, очерченные свитером, девушка определенно была очень и очень хороша. Это Геннадич понимал мозгом, будь он моложе, возможно, что-то шелохнулось бы и в других местах, но сейчас он просто добавил это в файл ее «характеристики». Геннадич кивнул, вздохнул и прислонился затылком к стенке автобуса.

– Чаю хотите, Сергей Геннадиевич? – поинтересовалась Настя, вынимая из стоящего рядом рюкзачка термос. Сергей кивнул, встретившись взглядом с Матвеем. Точнее, поймав его взгляд, и не на себе, а на Насте. Казалось бы, в твоем небольшом человеческом коллективе пополнение, а ты им совершенно не заинтересован и смотришь на девушку. Смотрел парень так, словно в его голове в те секунды рисовались сотни и тысячи картинок и, несомненно, каждая из них была связана с ней. С той самой Настей, что ухоженными пальцами с ярко-бежевым маникюром открутила крышку термоса и начала наливать чай. Журчание и пар пробудили Матвея от просмотра внутренней кинематографии, что выстраивалась в фантазии парня за считанные секунды, парень громко вздохнул. Он даже не дышал, пока смотрел на нее. Все это было легко заметить, точнее, практически невозможно было НЕ заметить такое ничем не прикрытое и кричащее о себе трепетное и нежное отношение к своей случайной попутчице.

– Вот, держите. – Настя протянула Геннадичу чай, который тот охотно принял.

Позади, раздались голоса, водила Сергей о чем-то разговаривал со Славой и Юрой, расстелив перед ними большую карту прямо на настиле из ковров. Донской придвинулся в ту сторону, а Настя молча ему уступила.

– А вы куда, собственно, направляетесь? – поинтересовался Донской, отпивая теплый чай.

– Далеко, бать, далеко, – задумчиво протянул Юра, разглядывая карту. – Очень мля далеко…

Водила, который тезка, с усмешкой в голосе подключился к разговору:

– А ты, Серег, куда сам-то двигаешь?

– Веришь, Серег, – передразнивая, слегка по-ребячески ответил Донской,– сам понятия не имею. Так что, вы уж будьте добры, расскажите, куда направляетесь, а там, может, если возьмете, с вами поеду.

– Хе-хе, чего ж не возьмем-то, в бусик пустили, напоим, накормим и погоним, что ль? Ну ты даешь, тезка! Тут людей в адеквате неделями не видишь, а ты говоришь, не возьмем, – принялся успокаивать Донского водила.

– Тут дело такое… – пододвинулся к Донскому Слава. – Мы галопом по Европам и прям в Рим.

– Чего?! Какой к лешему Рим?

– Ну, Славик, – влез вновь водила, – надо же обстоятельно тему человеку осветить, хе-хе, а ты с места в карьер сигаешь.

Водила уселся на расстеленном ковре и стал, активно жестикулируя, вещать:

– В общем, я, когда вся эта дичь началась, малость в запое был, да на работе с мужиками остался, в автобусном парке со сторожем. Ну, то не суть, – махнул тезка рукой. – В общем, просыпаюсь я, а эти придурки мне в уши шепчут и шепчут ересь какую-то. Телик работает, и вся компашка, словно перепили, пляшут да шепчут вокруг. Ну, я их растолкал, огрел чем было парочку, из кабинки вываливаюсь, а там ночь. Ну, думаю, проснулся рано, или еще бог весть че, а не, на телефоне полдень, по телику тоже. Только картинка странная, не видно ни хрена и бегущая строка, че-то про пришествие и прочее. Ну, я в общем как в тему въехал, думаю, бусик наш не нужен уже никому, ну и присвоил. На улицах черт-те что с этими чиканутыми творилось, думаю, сам видел в первые дни.

Донской лишь неуверенно кивнул. Говорить, что он не видел первых дней, было бы глупо, ведь начнутся вопросы из разряда «как так?» а они были ему совсем ни к чему.

– Вот, – продолжил водила, – я там домой сначала думал ехать, стерву свою забирать, а потом думаю, она что итак шизанутая была, сейчас будет уж точно. В общем, не стал. Думал с города валить, едой разжился, горючку со стоянки натырил по бочкам, вон гляди!

В конце автобуса у задних окошек стояли обтянутые простынями большие бочки, привязанные друг к другу и зажатые сиденьями.

– Я пока что вообще не понимаю, при чем тут Рим, – резонно заявил Донской.

– Сейчас дойдет, дедуль, это у нас Серый просто любитель

чересчур основательно рассказывать, – с усмешкой вставил Юра и сложил руки под грудью. Подростки молчали и слушали.

– Цыц, Юра, а то с мысли собьешь! – Секунду подумав, водитель продолжил свой монолог. – В общем, потом я мужиков встретил. Поехали мы со Славиком и Юрой от города…

– Вы… братья? Или как? – перебил Донской, обратившись к шкафам.

– Можно и так сказать, не по крови только, – сказал уверенно Юра.

– Служили вместе, – дополнил Слава. – И много где побывали…

Будто вспомнив былое, Слава похлопал Юру по плечу, на что тот лишь улыбнулся.

– Мужики вы сказать-то дадите? – занервничал водила.

– Да извини, продолжай, пожалуйста, – поддержал его Геннадич.

– В общем, едем по дороге… а фонари же первое время работали исправно, и на шоссе как днем было, ну и катимся мы с мужиками, и тут етить его в корень – истребитель стоит. То ли «Витязь», то ли «Сушка», сел прямо на шоссе, прикинь? Ну, у меня первая мысль, что перепил, конечно, но мужики тоже видят. Подошли мы, в общем, ближе, пилота достали, одного… второй с простреленной башкой был. Ну, не суть… В общем, мы этого летчика с собой взяли, видно было, что-то с ним не то, а как очнулся, так ничего и не говорит. Глазищи как шары, в угол забился, да повторяет… – Тут актерский талант водилы раскрылся на полную, как тот вжался в стенку, выпучил из орбит глаза и, руками жестикулируя как заядлый итальянец, твердил:

«Рим сияет… Ватикан сияет!»

Геннадич, не стал тихо смеяться, как сделали Юра и Слава от нелепого вида Сереги, он, наоборот, сглотнул, представив, как на самом деле это было жутко. Но даже не это было главным, что подействовало на Донского. Он, наконец, понял, что за место он видит во снах… Собор Святого Петра в Риме… Он давно рылся в кладовой своей памяти, пытаясь осознать, куда же зовет его девочка из сна. Картинка была ему словно знакома давно, но до сего момента он не мог вспомнить откуда… Нет, он не был искусствоведом или любителем соборов, просто при словах тезки о Риме он отчетливо вспомнил магнитик, висящий на холодильнике в квартире его дочери. Собор Святого Петра.

– Ну, мы его, в общем, и разговорить пытались, и про задачу узнать, куда и откуда летел, мол. Ну, сами уж додумали, что с Италии он нам в ответ только «сияет, да сияет». Ну, мы с мужиками покумекать отошли, тут слышим, пластинку сменил, мы только к нему послушать и тут – бах! – ствол свой достал да застрелился.

– Да! А мы с Настей от города пешком шли, темно, фонарики сели, и тут бах! Ну, мы на звук и ринулись, страшно, конечно, но люди все же, а там и свет автобуса увидели… – вставил неожиданно оживившийся Матвей.

Эту информацию Донской усвоил быстро, однако ему также врезалась в уши фраза «мы с Настей». Значит, все-таки вместе? Или все сложнее?

– Ну, в общем, да. С тех пор мы пусть и без особой веры, но решили, что проверить, что ж там такое сияет, надо.

– Я думаю, солнце, – сказал, как всегда с ухмылкой, водила.

– Тот бедолага, наверное, от всего происходящего умом тронулся и объяснить не мог, а так это единственный вариант, что приходит в голову.

– А чему там еще сиять-то? Сами подумайте, дедуль. Даже самый больной мозг, если бы там был большой, допустим пожар, заменил слово «сиять», на слово «полыхать». С этим утверждением Донской согласен не был, но прекрасно понимал оптимизм Юры и остальных. К тому же, его сны, так настойчиво зазывающие его туда… Конечно, это могло быть просто совпадением агонией больной головы, однако что мешало проверить? В конце концов, выживать без цели и смысла означало не жить, а существовать. «Увидеть солнце», – разве не идеальный смысл и цель для оставшейся Донскому недолгой жизни? Путь предстоял долгий, и Геннадич понимал, какой он может быть трудный, однако что может быть лучше в последние часы, отведенные ему на земле, смотреть не в полное мраком «ничто», а на прекрасное ясное солнце. Донской за секунду четко сформулировал то, зачем он продолжит существовать в этом мире дальше – еще хоть разок увидеть солнце.

Согреться его лучами, полюбоваться голубоватым небом и облаками, представить, что это не апокалипсис, а это он с внучкой присел где-нибудь на холме отдохнуть да посмотреть на восход. Она любила солнце. Она всегда бегала вечерами смотреть закат, а по утрам дула губы, когда вставала позже восхода… Только ради нее и стоило его еще раз увидеть. Она бы хотела увидеть, а значит, и он увидит.

– Я с вами, – спокойно заключил свои мысли Донской.

– В конце концов, если все происходящее – это кара божья, то раз где-то он оставил солнце, то, может, там и спасение для тех, кого он миловал от своего безумия? Типа нас?

Сказал Слава совершенно безэмоционально, не веря ни единому своему слову, просто уговаривая Донского. Тот лишь кивнул вновь. Вернул крышку термоса уже пустую, Насте.

«Увидеть Париж и умереть» – гласила известная фраза. У Сергея Геннадича было так же, только вместо Парижа надо было вставить «Солнце».

Глава 2

Самая сильная любовь – неразделенная.

Водила разложил карту прямо на ковре и тыкал в нее слишком уж с энтузиазмом.
– Отсюда пойдем по E105 и до границы, почти не сворачивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.